**ИЗОТОВ
Дмитрий
Александрович**

Кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник

Институт экономических исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

**IZOTOV
Dmitry
Aleksandrovich**

Candidate of sciences
(economics), leading research
fellow

Economic Research Institute
FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

izotov@ecrin.ru

ORCID: 0000-0001-9199-6226

УДК 339.97+339.96

ПЕРИФЕРИЙНЫЕ ЭКОНОМИКИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19: МОНГОЛИЯ И КНДР

Цель исследования состоит в определении мер государственной политики Монголии и Корейской Народно-Демократической Республики по поддержке экономики в условиях сдерживания новой коронавирусной инфекции (COVID-19), а также в выявлении факторов, определяющих кратко- и среднесрочные перспективы их экономического роста. Показано, что данные страны демонстрировали низкий уровень распространения COVID-19, достигнутый диаметрально противоположными мерами. Установлено, что Монголия реализует один из самых масштабных пакетов мер экономической поддержки, а КНДР осуществляет меры по огосударствлению экономики и косвенному налогообложению доходов населения. Определено, что основным фактором восстановления экономики данных государств является расширение торговых взаимодействий с Китаем.

Пандемия, COVID-19, меры государственной политики, экономический рост, экспорт, импорт, прогноз, Монголия, КНДР

THE SMALL ECONOMIES OF NORTH-EAST ASIA DURING THE COVID-19 PANDEMIC: MONGOLIA AND THE DPRK

The purpose of the review is to determine the measures of Mongolia and the Korean People's Democratic Republic government policy to support the economies in the face of containing COVID-19, as well as to identify the factors that determine the short- and medium-term prospects for their economic growth. It is shown that these two countries demonstrated a low level of COVID-19 spread, achieved by opposite measures of the policy. It has been established that Mongolia is implementing a large package of economic support measures, and the DPRK is taking measures of nationalization and indirect taxation of population income. It is determined that the main factor in the recovery of these economies is the expansion of trade relations with China.

Pandemic, COVID-19, economic policy measures, economic growth, exports, imports, forecast, Mongolia, DPRK

© Изотов Д.А., 2021

Введение

В подготовленном ранее исследовании [2] были описаны последствия пандемии COVID-19 для экономики стран Большой тройки Северо-Восточной Азии (СВА): КНР, Японии и Республики Корея, которые указали на весьма жёсткие и оперативные меры правительств данных стран по сдерживанию и локализации распространения инфекции. Для России также было подготовлено достаточное количество исследований и аналитических отчётов как для национального [10], так и для регионального уровня, включая Дальний Восток [8], территориально относящийся к СВА.

Другим аспектом, находящимся пока в тени перечисленных аналитических работ, является анализ опыта по сдерживанию распространения COVID-19 в остальных странах СВА, формирующих её «периферию»: Монголии и КНДР. Следует заметить, что в экономическом и политическом устройстве двух стран существует принципиальное различие. Монголия и КНДР с начала 1990-х гг. стали придерживаться диаметрально противоположных курсов политического развития при очень разной структуре экономики и обеспеченности факторами производства. Однако и Монголия, и КНДР существенно отстают от остальных стран СВА по уровню дохода на душу населения и характеризуются значительной торгово-экономической ориентацией на Китай. Ввиду определённого расхождения в развитии данных стран, руководства КНДР и Монголии по-разному стали реагировать на неблагоприятные для экономики факторы при реализации мер государственной политики по сдерживанию распространения COVID-19. Можно предположить, что эти меры будут определять общее состояние экономик данных стран на среднесрочную перспективу.

Экономика Монголии в период пандемии

В начале 2020 г. стали поступать первые известия об инфицировании населения COVID-19 в Монголии. Правительство Монголии приняло оперативные меры по сдерживанию её распространения: запрещён въезд из стран высокого риска заражения; приостановлен экспорт в Китай; приняты меры социального дистанцирования; отменены массовые мероприятия; временно закрыты образовательные учреждения; применены карантинные меры в городах (закрытие границ)¹. Границы с Китаем и Россией были открыты 27 мая 2020 г., после того как Монголии были гарантированы поставки вакцины от COVID-19 из ведущих зарубежных стран².

Вплоть до ноября 2020 г. численность населения Монголии, инфицированного COVID-19, была ограниченной, поскольку в неё входили только лица, прибывшие из-за границы. Далее, по мере фиксирования случаев передачи COVID-19 внутри страны, монгольское правительство стало применять общенациональные меры по самоизоляции граждан [23], также изолируя крупные населённые пункты от остальных аймаков (регионов) [13].

К концу I полугодия 2021 г. масштаб распространения новой коронавирусной инфекции достиг 34 тыс. случаев на 1 млн человек. Правительство Монголии планировало вакцинировать 100% взрослого населения или 60% общей численности населения, при этом 59% населения было сделано не менее одной прививки, а 53% – было полностью вакцинировано. В середине июня 2021 г. монгольским правительством запущена вакцинация детей в возрасте 12–18 лет [23].

¹ Mongolia. Policy Responses. URL: https://www.unescap.org/sites/default/d8files/2021-03/Mongolia_COVID%20country%20profile%20230321.pdf (дата обращения: 05.11.2021).

² Anhtuya B. Taking no Chances: Mongolia to Extend Lockdown. URL: <https://news.mn/en/792655/> (дата обращения: 05.11.2021).

В августе 2021 г. в связи с ростом численности заболеваний COVID-19 Монголия столкнулась с дефицитом медицинского персонала и необходимостью перепрофилирования медицинских учреждений. В ожидании второй волны эпидемии данные проблемы стали приобретать политическое значение, особенно в условиях парламентских и местных выборов [9]. Тем не менее малое распространение COVID-19 в Монголии, достигнутое за счёт жёстких внутренних карантинных мер, закрытия границ, всеобщего тестирования, а также широкомасштабной вакцинации населения, является удачным примером для стран с низким и средним подушевым доходом [14].

Говоря об экономических последствиях распространения COVID-19, необходимо отметить, что монгольская экономика сильно зависит от экспорта сырьевых товаров. Прямой вклад добывающей отрасли в монгольскую экономику составляет более четверти [1], а её продукция – более 90% экспорта. На конец 2020 г. основу экспорта Монголии составляли: уголь (28%), немонетарное золото (24%), медные руды и концентраты (23%)¹. В 2010-е гг. правительство Монголии учредило несколько резервных фондов за счёт отчислений от экспорта сырьевых товаров [25]. Во-первых, Фонд финансовой стабильности (сумма накоплений – около 132 млн долларов США), главной функцией которого является стабилизация текущих неустойчивых доходов от добычи полезных ископаемых и восполнение выпадающих доходов государственного бюджета. Во-вторых, Фонд будущего наследия (сумма накоплений – 384 млн долларов), который выполняет функцию долгосрочного источника финансового благополучия национальной экономики. В-третьих, Пенсионный резервный фонд с долгосрочным инвестиционным горизонтом, служащий финансовым резервом для обеспечения внутренних государственных обязательств Монголии.

Около 90% экспорта Монголии приходится на Китай², поэтому закрытие границ с КНР оказалось довольно чувствительным для монгольских экспортёров и экономики в целом: за 2020 г. экономика сократилась на 5,3% по отношению к предыдущему году. По мере восстановления экспортных поставок ВВП Монголии за первые два квартала 2021 г. увеличился на 7,1%, в основном за счёт наращивания вывоза угля и медного концентрата на территорию КНР (рис. 1).

Остальные отрасли экономики в первой половине 2021 г. сокращались (особенно заметно – строительный сектор и сельское хозяйство), что было вызвано снижением общего потребления в Монголии, тем не менее импортные поставки стали постепенно наращиваться, вернувшись к значениям соответствующего периода 2019 г. Во время пандемии на основе имеющихся накопленных резервов правительство Монголии стало принимать сравнительно активные меры по поддержке населения, предприятий малого бизнеса и отдельных базовых отраслей экономики, например, золотодобывающей отрасли. Масштаб мер государственной поддержки экономики за 2020–2021 гг. составил более 17% ВВП страны, что было осуществлено в рамках бюджетной, денежно-кредитной и финансовой политики (табл. 1).

Как страна, находящаяся в нижнем спектре среднего дохода на душу населения, Монголия активно пользуется целевой поддержкой со стороны международных организаций и ведущих стран мира. В итоге за счёт средств международных организаций и собственных накопленных резервов в I кв. 2020 г. правительство Монголии реализовало меры первичной поддержки функционирования здравоохранения, а также экономики в целом. В частности, за

¹ Mongolia's Foreign Trade Review. 2020. December. URL: <https://www.mongolbank.mn/documents/statistic/externalsector/tradebalancereview/2020/12e.pdf> (дата обращения: 05.11.2021).

² Mongolia Exports by Country and Region 2019. URL: <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/MNG/Year/LTST/TradeFlow/Export/Partner/all/> (дата обращения: 05.11.2021).

счёт средств созданного Фонда финансовой стабильности были осуществлены дополнительные расходы на здравоохранение в размере 0,04% ВВП (около 6 млн долларов). Также был принят комплекс как прямых, так и косвенных мер поддержки экономики, среди которых выделялась финансовая поддержка социально уязвимых групп населения, а также предприятий малого бизнеса [23].

Рис. 1. Прирост ВВП, экспорт и импорт Монголии

Источники: составлено по: Mongolia: Economic Growth, Quarterly. URL: https://www.theglobaleconomy.com/Mongolia/gdp_growth/; Mongolia Exports. URL: <https://tradingeconomics.com/mongolia/exports>; Mongolia Imports. URL: <https://tradingeconomics.com/mongolia/imports> (дата обращения: 05.11.2021).

По мере расширения временных рамок режима самоизоляции 6 мая 2020 г. было объявлено о реализации второго пакета мер бюджетной политики по защите социально уязвимых групп населения в размере примерно 2% ВВП. В III кв. 2020 г. в условиях пандемии монгольское правительство объявило о продлении и об изменении принимаемых ранее мер бюджетной политики до конца 2020 г. В итоге дополнительные расходы бюджета составили около 7,5% ВВП (включая предыдущие меры) и были одобрены парламентом страны 28 августа 2020 г.

В условиях пандемии некоторые предприятия Монголии неизбежно стали сокращать оплату труда работников. Поэтому правительство предоставило надбавку к заработной плате малоимущих работающих граждан (в среднем 50% от минимального размера оплаты труда) в течение трёх месяцев. Работодателям запрещено увольнение данной категории работников и снижение оплаты их труда, а выплаты из бюджета Монголии для поддержки этих граждан составили чуть более 2 млн долларов¹. В середине IV кв. 2020 г. правительство Монголии объявило о продлении отдельных мер бюджетной политики по поддержке экономики до конца I полугодия 2021 г. Более 100 тыс. предприятий малого и среднего бизнеса было освобождено от выплаты налогов сроком на шесть месяцев.

¹ Mongolia. Policy Responses. URL: https://www.unescap.org/sites/default/d8files/2021-03/Mongolia_COVID%20country%20profile%20230321.pdf (дата обращения: 05.11.2021).

Таблица 1

Меры государственной политики Монголии по поддержке экономики
в период пандемии в 2020–2021 гг.

Меры государственной политики	Направление поддержки
Меры бюджетной политики	<p>Первый пакет мер поддержки (I кв. 2020 г.): дополнительные расходы на здравоохранение; денежная поддержка наиболее уязвимых групп населения, предприятий малого бизнеса.</p> <p>Второй пакет мер поддержки (II кв. 2020 г. с пролонгацией до конца 2020 г.): денежная поддержка наиболее уязвимых групп населения; освобождение от выплат корпоративного подоходного налога, подоходного налога с недвижимости, таможенных пошлин и НДС на некоторые категории импортируемых товаров; увеличение сумм, выделяемых на талоны на питание, социальные пенсии; сокращение взносов на социальное обеспечение.</p> <p>Продление отдельных мер (до конца I полугодия 2021 г.): освобождение от выплат подоходного налога с недвижимости, а также таможенных пошлин и НДС на некоторые импортируемые товары; поддержка отдельных регионов; временное освобождение от налоговых штрафов за просрочку платежей; сдерживание цен на социально значимые товары через механизм субсидирования.</p> <p>Во II кв. 2021 г. осуществлена выдача денежных средств на каждого гражданина для компенсации потерь доходов; отменено введенное в начале 2021 г. увеличение взносов на социальное страхование на 2 п. п. До конца декабря 2021 г. продлена реализация мер по поддержке населения за счёт увеличения выплат пособий по уходу за детьми и освобождения от оплаты коммунальных услуг</p>
Меры денежно-кредитной и финансовой политики	<p>Постепенное снижение учётной ставки до 10% в I кв. 2020 г., до 9% – во втором квартале, до 8% – в третьем, до 6% – в четвёртом. Снижение обязательно резерва в национальной валюте до 8,5% в I кв. 2020 г., до 6% – в четвёртом квартале. Реализация временных мер по смягчению условий в отношении пруденциальных требований, классификации кредитов и стандартов реструктуризации долга. Разрешение текущим заёмщикам потребительских кредитов отложить выплаты основной суммы и процентов на срок до одного года. Применение нетрадиционных мер денежно-кредитной политики, включая покупку облигаций, выпущенных государственными предприятиями для компенсации нехватки доходов банков. Субсидирование ипотечной программы и льготного кредитования предприятий золотодобывающей отрасли. Реализация трёхлетнего пакета стимулирующих экономических мер на 2021–2023 гг.</p>
Меры валютной политики	<p>В зависимости от конъюнктуры экспорта, обменный курс монгольского тугрика девальвировался до сентября 2020 г., далее происходило его укрепление и удержание Банком Монголии на уровне 2 854 тугрика за доллар США</p>

Источники: составлено по: Mongolia. Policy Responses. URL: https://www.unescap.org/sites/default/d8files/2021-03/Mongolia_COVID%20country%20profile%20230321.pdf (дата обращения: 05.11.2021); [23].

В конце 2020 г. монгольское правительство стало реализовывать дополнительные меры поддержки экономики, которые включали: финансовую поддержку отдельных аймаков Монголии в размере 1,1 млн долларов; временное освобождение от налоговых штрафов за просрочку платежей; сдерживание цен через механизм субсидирования на угольные брикеты для

«юрточных»¹ микрорайонов в г. Улан-Баторе. Далее монгольское правительство объявило о мерах по борьбе с COVID-19, финансирование которых было возложено на некоторые государственные предприятия.

Во II кв. 2021 г. правительство Монголии осуществило выдачу денежных средств в размере 105 долларов на каждого гражданина для компенсации потери дохода, связанной с возобновлением карантина. Всего на реализацию данной меры поддержки населения было потрачено 350 млн долларов (2,5% ВВП). Далее было объявлено, что прошедшие вакцинацию лица к уже выплаченной сумме получают надбавку в размере 17,5 долларов, что составляло почти 5% среднемесячного дохода на душу населения. Для дополнительной поддержки правительство Монголии распределило среди всех граждан дивиденды государственной горнодобывающей компании «Эрдэнэс Тавантолгой» (Erdenes-Tavantolgoi, JSC), производящей уголь на экспорт, в размере 53,2 млн долларов. Для поддержки предприятий малого бизнеса также было распределено 0,2 млн долларов [23].

В конце мая 2021 г. по итогам сессии парламента Монголии была предложена поправка к Закону о социальном страховании, подразумевающая отмену введённого в начале года увеличения взносов на социальное страхование на 2 п. п. Возникающий в результате дефицит бюджета Монголии (примерно 33 млн долларов) восполнен в рамках реализации механизмов Закона о борьбе с пандемией [23]. В конце I полугодия 2021 г. монгольское правительство объявило о продлении до конца декабря 2021 г. следующих мер поддержки населения: увеличение выплат пособий по уходу за детьми; освобождение от оплаты коммунальных услуг.

Банком Монголии в период пандемии реализовывались активные меры денежно-кредитной и финансовой политики. В конце I кв. 2020 г. Банк Монголии понизил учётную ставку на 100‰ (до 10%), снизил обязательный резерв национальной валюты для коммерческих банков на 200‰ (до 8,5%), а также сузил коридор колебания процентной ставки до $\pm 1\%$. В результате установленные более низкие резервные требования сгенерировали около 113,4 млн долларов (0,8% ВВП) дополнительной ликвидности в банковской системе. Также Банк Монголии и Комиссия по финансовому регулированию реализовали временные меры, предусматривающие смягчение условий в отношении пруденциальных требований, классификации кредитов и стандартов реструктуризации долга.

Закон о борьбе с пандемией, одобренный парламентом Монголии 30 апреля 2020 г., обязал Банк Монголии применять нетрадиционные меры денежно-кредитной политики, включая покупку облигаций, выпущенных государственными предприятиями, для компенсации нехватки доходов банков. К концу 2020 г. сумма расходов Банка Монголии по данным мерам составила около 289 млн долларов (2% ВВП) [23].

В III кв. 2020 г. Банк Монголии продлил временные меры смягчения условий функционирования банковского сектора до конца года, а также снизил учётную ставку до 8%. В середине IV кв. 2020 г. Банк Монголии снизил учётную ставку до 6% (при понижении обязательных резервов национальной валюты на 250‰), а также продлил временные меры смягчения условий функционирования банковского сектора до конца I полугодия 2021 г. В январе 2021 г. Закон о борьбе с пандемией был продлён до конца I полугодия 2021 г. В результате было расширено субсидирование ипотечной программы и льготное кредитование предприятий золотодобывающей отрасли Банком Монголии [23].

Поскольку экспорт из Монголии в КНР был приостановлен с 10 февраля 2020 г. (экспорт угля начал постепенно возобновляться с 15 марта 2020 г.), это негативно повлияло на пла-

¹ Спецификой городов Монголии является наличие микрорайонов, в которых население проживает в юртах, отапливаемых углём в холодное время года. — *Прим. авт.*

тёжкий баланс страны и обменный курс национальной валюты. В результате курс тугрика к доллару США был девальвирован с 2 743 (по состоянию на начало 2020 г.) до 2 858 (сентябрь 2020 г.)¹. Далее, по мере улучшения обстановки в КНР, экспорт из Монголии стал увеличиваться, позволяя укрепить курс национальной валюты до 2 854 тугрика за доллар США и удерживать его первую половину 2021 г.

Привлечение льготных кредитов и безвозмездных перечислений из-за рубежа остаётся одним из важных аспектов поддержания функционирования монгольской экономики. Европейский союз предоставил Монголии целевой грант в размере 59 млн долларов на устранение социально-экономических последствий пандемии [12]. Также Монголия получает от Азиатского банка развития около 400 млн долларов на реализацию 27 проектов, связанных с поддержкой государственного управления, здравоохранения, финансовой системы и сельского хозяйства².

В феврале 2021 г. премьер-министр Монголии объявил о начале реализации трёхлетнего пакета стимулирующих экономических мер, отражённого в комплексном плане восстановления монгольской экономики на 2021–2023 гг., размер которого на 2021 г. оценивается в 5% ВВП [23]. Кроме того, правительство Монголии реализует 14 крупных инвестиционных проектов в пищевой промышленности, сельском хозяйстве и развитии инфраструктуры на сумму 720 млн долларов и планирует выделить 105 млн долларов на закупку кашемира для поддержки его производителей [12].

Опыт Монголии по всеобщей вакцинации населения считается положительным, поэтому перспективы монгольской экономики в среднесрочной перспективе видятся позитивными³. На основании этого, согласно прогнозам ведущих глобальных и субглобальных организаций, монгольская экономика в кратко- и среднесрочной перспективе способна показать сравнительно высокие темпы прироста ВВП (*табл. 2*).

Таблица 2

Кратко- и среднесрочные прогнозные оценки прироста экономики Монголии,
% к предыдущему году

Источник оценки	2021	2022	2023	2024	2025	2026
Международный валютный фонд	5,0	7,5	6,0	5,0	5,0	5,0
Всемирный банк	5,9	6,1	7,0	–	–	–
Азиатский банк развития	4,6	6,0	–	–	–	–

Источники: составлено по: ADB COVID-19 Response: Mongolia. URL: <https://www.adb.org/countries/mongolia/covid-19-response>; World Economic Outlook Database. 2021. April. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2021/April> (дата обращения: 05.11.2021); [15].

Ожидается, что впоследствии экономический рост Монголии будет наращиваться по мере ослабления распространения COVID-19, решения проблем, связанных с транспортировкой и логистикой экспортных товаров, и расширения внутреннего спроса. Риски ухудшения перспектив роста монгольской экономики включают в себя неблагоприятные последствия распространения новых штаммов вируса, негативно влияя на экспорт и увеличивая инфляцию за счёт нарушения поставок потребительских и инвестиционных товаров из-за рубежа.

¹ Mongolia Exchange Rate Against USD. URL: <https://www.ceicdata.com/en/indicator/mongolia/exchange-rate-against-usd> (дата обращения: 05.11.2021).

² ADB COVID-19 Response: Mongolia. URL: <https://www.adb.org/countries/mongolia/covid-19-response> (дата обращения: 05.11.2021).

³ ADB Forecasts 4.6% Growth in Mongolia in 2021 Backed by Accommodative Policies. URL: <https://www.adb.org/news/adb-forecasts-4-6-growth-mongolia-2021-backed-accommodative-policies> (дата обращения: 05.11.2021).

КНДР: кризис в экономике от санкций и COVID-19

В большом числе исследований¹ зафиксировано, что КНДР является уникальной страной с точки зрения функционирования политической и экономической систем. Специфика экономики Северной Кореи подробно изучена и сводится к следующим основным аспектам²: самые высокие в мире риски ведения свободной экономической деятельности³; гибридная командно-административная система со значительными «теневыми» сегментами; наличие жёстких санкционных ограничений со стороны международного сообщества; направление большой доли расходов на нужды военно-промышленного комплекса; заметный приток средств из-за рубежа от трудовых мигрантов; зависимость от импорта при крайне ограниченном экспорте товаров; низкий среднедушевой доход и уровень жизни населения.

В 2012–2016 гг. в стране проводились частичные рыночные реформы, которые позволили национальной экономике ежегодно прирастать на 1–2% в год⁴. Однако в 2017 г. КНДР провела очередные испытания новых вооружений (межконтинентальных ракет, способных поражать цели на территории США), по всей видимости, с дальнейшим расчётом на заключение определённого соглашения с американской стороной [5]. Во время проведения американо-северокорейского саммита в феврале 2019 г. в г. Ханое такого соглашения не было заключено, зато на Северную Корею были распространены новые санкции, введённые Советом Безопасности ООН, которые существенно ухудшили без того скромные возможности развития внешнеэкономических взаимодействий, поскольку с 2017 г. торговля КНДР с Республикой Корея прекратилась [18], а относительно прочные торгово-экономические связи с Китаем также были существенно пересмотрены [4]. В 2017 и 2018 гг. экономика КНДР сокращалась на 3,5 и 4,1% соответственно, стабилизировавшись только в 2019 г.

В отличие от других стран СВА руководство Северной Кореи для сдерживания распространения COVID-19 сделало ставку не на всеобщую вакцинацию населения, а на жёсткие меры соблюдения карантина, по всей видимости, придерживаясь позиции, что этого вполне достаточно для недопущения проникновения в страну COVID-19⁵ с учётом значительного «контроля» над населением.

КНДР была одной из первых стран, прекративших пассажирское сообщение с внешним миром с февраля 2020 г. Параллельно с этим северокорейская сторона стала вести переговоры о масштабных поставках в страну препаратов для вакцинации населения с международным альянсом вакцин по программе Глобального доступа к вакцинам против COVID-19 (COVAX), предусматривающей бесплатное обеспечение вакцинами стран с низким доходом на душу населения. Ожидалось, что в Северную Корею будет поставлена пробная партия данного препарата, однако, в 2021 г. переговоры о её поставках зашли в тупик⁶. Это обстоятельство может объясняться тем, что, с одной стороны, руководство Северной Кореи не уверено в эффективности данных вакцин, с другой – в КНДР придерживаются принципа получения надёжных вакцин бесплатно и в больших объёмах, позволяющих осуществить всеобщую вакцинацию, и

¹ См.: [16; 22; 24].

² См.: [4; 7; 17; 20; 21].

³ 2021 Index of Economic Freedom. North Korea. URL: <https://www.heritage.org/index/country/northkorea> (дата обращения: 05.11.2021).

⁴ North Korea GDP Annual Growth Rate. URL: <https://tradingeconomics.com/north-korea/gdp-annual-growth-rate> (дата обращения: 05.11.2021).

⁵ В какой-то мере это подтверждается данными Всемирной организации здравоохранения. Источник: ВОЗ начала поставки медикаментов от COVID-19 в КНДР. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5019510> (дата обращения: 05.11.2021).

⁶ Котляр М. СМИ узнали о тупике в переговорах о поставках вакцин от COVID-19 в КНДР. URL: <https://www.rbc.ru/politics/04/07/2021/60e15ea39a7947c716b9dd76> (дата обращения: 05.11.2021).

с третьей стороны, северокорейская сторона опасается прибытия в страну медицинского персонала из-за рубежа [3], при этом национальное здравоохранение характеризуется отсутствием современной инфраструктуры и медицинского оборудования¹.

В конце II кв. 2020 г. руководство КНДР ввело карантинные меры по отношению к ввозимым товарам из-за рубежа и стало возводить вдоль границы с КНР крупные санитарно-дезинфекционные пункты для карантинных мер и санитарной обработки товаров из Китая [3]. Фактически по эндогенным причинам Северная Корея прервала относительно безопасные торговые взаимодействия с зарубежными странами. В итоге в 2020 г. экономика КНДР сократилась на 4,5% (рис. 2), что являлось крупнейшим её «сжатием» с 1997 г., в котором падение экономики составило 6,5%².

Рис. 2. Прирост ВВП, экспорт и импорт КНДР

Примечание. Квартальные данные по КНДР в открытых источниках информации не обнаружены.

Источники: составлено по: North Korea GDP Annual Growth Rate. URL: <https://tradingeconomics.com/north-korea/gdp-annual-growth-rate>; North Korea Exports. URL: <https://tradingeconomics.com/north-korea/exports>; North Korea Imports. URL: <https://tradingeconomics.com/north-korea/imports> (дата обращения: 05.11.2021).

Общее состояние экономики и социальной сферы КНДР стало стремительно ухудшаться, проявляясь в дефиците товаров [3], прежде всего продовольствия и медикаментов. В итоге цены на потребительские товары выросли³. Ситуация стала осложняться тем, что стратегия, нацеленная на самообеспечение продовольствием, была скорректирована в связи с неблагоприятными погодными условиями лета 2020 г.⁴ Руководство КНДР выбрало собственную стра-

¹ Clarke C. Kim Jong Un Grapples with the Worst Crisis in His Reign so far: A Crippled Economy, no COVID-19 Vaccines and Food Shortages. URL: <https://www.abc.net.au/news/2021-07-14/kim-jong-un-grapples-with-the-worst-crisis-in-his-reign-covid/100270668> (дата обращения: 05.11.2021).

² Onchi Y. North Korean Economy Shrinks 4.5%, Worst Slump Under Kim Jong Un. URL: <https://asia.nikkei.com/Economy/North-Korean-economy-shrinks-4.5-worst-slump-under-Kim-Jong-Un> (дата обращения: 05.11.2021).

³ Лоторев А. Ким Чен Ын призвал граждан КНДР меньше есть до 2025 года. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2021/10/27/n_16759273.shtml (дата обращения: 05.11.2021).

⁴ North Korea GDP Annual Growth Rate. URL: <https://tradingeconomics.com/north-korea/gdp-annual-growth-rate> (дата обращения: 05.11.2021).

тегию в борьбе с COVID-19 на основании того, что любые другие режимы в мире не могут позволить себе настолько долго игнорировать последствия жёсткого карантина как для экономики, так и для общества [3].

В начале 2021 г. товарооборот КНДР с её главным торговым партнёром – Китаем – практически полностью прекратился. В этой обстановке руководители КНДР сделали ставку на всеобщую мобилизацию и усиление роли государства в экономике. По этой причине меры государственной политики скорее способствовали укреплению политического режима в КНДР, в отличие от других стран СВА, в которых оказывалась непосредственная поддержка экономики и наиболее пострадавших слоёв населения. В начале 2021 г. на VIII съезде Трудовой партии Кореи в экономической части доклада Ким Чен Ына были озвучены некоторые императивные меры государственной политики страны на среднесрочный период, которые сводились к свёртыванию определённой части рыночных свобод в экономике (*табл. 3*).

Таблица 3

Меры государственной политики КНДР в экономической сфере
в условиях сдерживания распространения COVID-19 в 2020–2021 гг.

Меры государственной политики	Направление в реализации мер
Общэкономические меры	Возвращение к централизованному управлению при допустимости некоторых экспериментов; «заморозка» в продвижении рыночных реформ
Меры в отдельных секторах экономики	Выполнение плана обязательных государственных закупок в сельскохозяйственном производстве; распределение зерна посредством карточной системы; частичное огосударствление сферы услуг; построение приграничной карантинной инфраструктуры для ввозимых из-за рубежа товаров
Увеличение доходов государственного бюджета	Выпуск государственных облигаций; изъятие доходов из госсектора
Валютная политика	Увеличение спроса на национальную валюту при ужесточении свободного обращения иностранной валюты

Источники: составлено по: Недоступ М. Коронавирус спровоцировал масштабный экономический кризис в КНДР. URL: <https://fingazeta.ru/ekonomika/politekonomika/463269>; Shin M. What Is the Truth About COVID-19 in North Korea? URL: <https://thediplomat.com/2021/01/what-is-the-truth-about-covid-19-in-north-korea/> (дата обращения: 05.11.2021); [3; 24].

Несмотря на то что северокорейский бизнес тесно связан с существующим режимом КНДР и не стремится к его смене, рост частного сектора стал постепенно вносить вклад в либерализацию политической ситуации в стране [4]. В условиях изоляции в связи с COVID-19 руководство Северной Кореи заявило о необходимости усиления роли Трудовой партии Кореи и расширении контроля над экономикой страны кабинетом министров, возвращаясь к опыту директивного управления при допустимости некоторых экспериментов [3]. Нельзя исключать, что подобного рода общэкономические меры могут носить явно декларативный характер, при этом некоторые новые экономические механизмы¹ власти могут «затормозить» на приемлемый для себя срок [24].

¹ Например, расширение внешней торговли, внедрение рыночных принципов, свободное «хождение» иностранной валюты в экономике, стабилизацию цен и переход к «налоговой» экономике.

На фоне экономического кризиса курс валюты КНДР в октябре 2020 г. составил около 8 тыс. северокорейских вон за доллар США и далее укрепился до 6,5 тыс. вон по причине реализации указов, ограничивающих использование доллара и китайского юаня в стране в качестве платёжных средств с введением строгих наказаний для населения¹.

Меры в рамках отдельных секторов экономики более определённые. В частности, на среднесрочный период в рамках развития сельскохозяйственного сектора руководство КНДР планирует выполнить план обязательных государственных закупок продовольствия (вероятно, по государственным ценам), преимущественно зерна, которое, в свою очередь, будет распределяться по карточной системе [3]. Также в связи с необходимостью поддержания общенациональных карантинных мер можно ожидать расширения мер по огосударствлению сферы услуг в Северной Корее, прежде всего сектора оптовой и розничной торговли, а также общественного питания и гостиниц².

Реализуемые меры даже в среднесрочной перспективе могут привести к существенному сокращению экономики КНДР и даже к масштабному голоду. По мнению некоторых исследователей [24], для Северной Кореи пролонгация кризиса 2020 г. может быть сопоставима по масштабу с катастрофой середины 1990-х гг., а социально уязвимые группы населения столкнутся с серьёзными финансовыми трудностями, если ситуация впоследствии продолжит ухудшаться. Вполне справедливо указывалось [16], что отсутствие заметных валютных резервов не позволит в таких условиях рассчитывать на поставки импортных товаров. При этом в 2020 г. (первые за 17 лет) руководство КНДР решает выпустить государственные облигации, при помощи которых было бы возможным исполнение части запланированных ранее бюджетных расходов³. В 2020 г. некоторыми аналитиками [24] ожидалось значительное сокращение государственного бюджета КНДР по причине невозможности покрытия доходами ряда расходных статей.

Однако в 2021 г. экономическая ситуация в КНДР стала постепенно стабилизироваться благодаря расширению торговых взаимосвязей с Китаем⁴. В марте – апреле 2021 г. внешняя торговля Северной Кореи стала восстанавливаться по мере ввода в эксплуатацию в тестовом режиме карантинно-дезинфекционных центров, расположенных на границе. Импорт из Китая в КНДР за сентябрь 2021 г. увеличился до 55,6 млн долларов (*рис. 3*).

Основными товарами, ввозимыми из Китая в КНДР в январе – сентябре 2021 г., являлись продовольствие и медикаменты. Ввиду исключительной важности Северной Кореи для Китая, похоже, что КНР готова обеспечить КНДР достаточным объёмом товаров первой необходимости для предотвращения масштабного голода и сохранения в политической стабильности в стране [3]. В сентябре 2021 г. экспорт из КНДР в Китай увеличился до 14,3 млн долларов, что является самым высоким его значением с декабря 2019 г. Также, согласно некоторым оценкам⁵, КНДР продолжила вывозить уголь в КНР, что не учитывается в официальной таможенной статистике Китая по причине распространения санкционных ограничений на экспорт данного товара, введённых ООН в 2019 г.

¹ Shin M. What Is the Truth About COVID-19 in North Korea? URL: <https://thediomat.com/2021/01/what-is-the-truth-about-covid-19-in-north-korea/> (дата обращения: 05.11.2021).

² Притом что большая часть сферы услуг в КНДР находится в руках частного бизнеса, который тем не менее зарегистрирован как государственный сектор экономики.

³ Недоступ М. Коронавирус спровоцировал масштабный экономический кризис в КНДР. URL: <https://fingazeta.ru/ekonomika/politekonomika/463269> (дата обращения: 05.11.2021).

⁴ Товарооборот КНДР с КНР в 2020 г. составил всего 539 млн долларов, что почти на 81% меньше показателя предыдущего года. Источник: Lee S. North Korea's Economy is Recentralised and China-Reliant. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2021/04/10/north-koreas-economy-is-recentralised-and-china-reliant/> (дата обращения: 05.11.2021).

⁵ Davies C. North Korea – China Trade Hits Highest Level Since Start of Pandemic. URL: <https://www.ft.com/content/a8f270ae-5cce-4ef3-a179-244b3d40311b> (дата обращения: 05.11.2021).

Рис. 3. Внешняя торговля КНДР с Китаем в январе – сентябре 2021 г., млн долларов

Источник: составлено по: China Customs Statistics. URL: <http://english.customs.gov.cn/Statistics/Statistics?ColumnId=7> (дата обращения: 05.11.2021).

Прежде чем перейти к прогнозным оценкам развития экономики КНДР в условиях борьбы с COVID-19, следует заметить, что к настоящему времени в исследовательском сообществе в целом сложилось мнение [19; 22] о траекториях экономического роста Северной Кореи. При сохранении санкций на текущем уровне экономический прирост Северной Кореи может составить 1–2% в случае благоприятных погодных условий и стабилизации внешней торговли. Если санкции будут значительно смягчены, северокорейская экономика может ежегодно прирастать на 4%, но для этого КНДР необходимы серьезные структурные реформы и открытость. Соответственно, по мере снятия барьеров во внешней торговле экономика Северной Кореи способна показать положительные темпы прироста в краткосрочной перспективе (2022–2023 гг.) (рис. 4).

Рис. 4. Краткосрочные прогнозные оценки прироста ВВП КНДР, % к предыдущему году

Источники: составлено по: North Korea GDP Annual Growth Rate. URL: <https://tradingeconomics.com/north-korea/gdp-annual-growth-rate>; North Korea. Main Economic Indicators. URL: <https://www.coface.ru/Ekonomicheskie-issledovaniya/North-Korea> (дата обращения: 05.11.2021).

В случае если санкционное бремя будет увеличиваться, подавление рыночных свобод в стране будет нарастать, а экономический кризис продолжит оказывать негативное влияние на торговлю и социальную сферу, темпы экономического роста Северной Кореи могут быть и отрицательными в среднесрочном периоде [19]. При этом, несмотря на эндогенные риски, пандемия продемонстрировала сильную зависимость экономики Северной Кореи от Китая и скорее укрепила, чем поставила под угрозу их тесные политические отношения [11].

Заключение

При очевидных различиях в экономике, обществе и политических системах в 2020–2021 гг. у Монголии и КНДР появился ещё один довольно сходный параметр: относительно низкий уровень распространения COVID-19 по сравнению с другими странами. Если Монголия данного параметра достигла (помимо карантинных мер) всеобщим тестированием и вакцинацией населения благодаря тесному взаимодействию с ведущими странами мира и международными организациями, то политический режим КНДР сделал ставку только на жесточайшие карантинные меры.

В период пандемии в 2020 г. монгольская экономика заметно сократилась. Монголия, имеющая накопленные валютные резервы, а также получающая финансовую помощь от международных организаций и ведущих стран мира, осуществила реализацию нескольких пакетов мер государственной поддержки социально уязвимых слоёв населения, предприятий малого бизнеса и ключевых секторов экономики. Поскольку главным источником экономического роста Монголии является экспорт, то открытие границ с основным торговым партнёром – КНР – способствовало восстановлению монгольской экономики в первой половине 2021 г. В том случае, если режим внешней изоляции не будет продлеваться, экономика страны в среднесрочной перспективе способна показать высокие темпы прироста.

Когда КНДР столкнулась с COVID-19, её экономика находилась в кризисе ввиду ужесточения санкций, а также в связи с частичным сворачиванием экономических свобод. В ситуации сдерживания распространения новой инфекции мотивация руководства КНДР сводится преимущественно к поддержанию политической стабильности. В условиях декларируемого отсутствия случаев распространения COVID-19 по стране северокорейское руководство в 2020 г. стало вытеснять частный сектор из экономики, возводить приграничную карантинную инфраструктуру, применять косвенное изъятие валютных средств у населения, ужесточать распределение продовольствия. Наряду с этим руководство надеется получить бесплатно и в больших объёмах вакцину от COVID-19 из-за рубежа. Экономическая ситуация в КНДР, как и в случае Монголии, в 2021 г. стала постепенно нормализоваться в связи с возобновлением торговых взаимодействий с Китаем. Экономика страны способна показать положительные темпы прироста в перспективе, однако будущее её состояние скорее зависит от внешних и внутренних политических факторов.

Список литературы

1. Жаргалсайхан Д. Фонд благосостояния 2050. URL: <https://jargaldefacto.com/article/fond-blagosostoyaniya-2sh5sh> (дата обращения: 05.11.2021).
2. Изотов Д.А. Меры государственной поддержки экономики в странах Большой тройки Северо-Восточной Азии в период пандемии // Пространственная экономика. 2021. Т. 17. № 3. С. 156–178. <http://dx.doi.org/10.14530/se.2021.3.156-178>

3. Ланьков А. Без снежков и рыбалки. Как Северная Корея борется с коронавирусом. URL: <https://carnegie.ru/commentary/85026> (дата обращения: 05.11.2021).
4. Ланьков А. Возрождение рыночной экономики в Северной Корее. URL: https://carnegieendowment.org/files/CP_Lankov2015_web_Rus.pdf (дата обращения: 05.11.2021).
5. Ланьков А. Из кризиса и обратно. Почему Северная Корея сворачивает экономические реформы. URL: <https://carnegie.ru/commentary/83630> (дата обращения: 05.11.2021).
6. Ланьков А. К северу от 38-й параллели. Как живут в КНДР. М.: Альпина нон-фикшн, 2020. 532 с.
7. Ланьков А. Рыночная экономика Северной Кореи: как устроена внешняя торговля КНДР. URL: <https://meduza.io/feature/2016/10/11/gynochnaya-ekonomika-severnoy-korei-kak-ustroena-vneshnyaya-torgovlya-kndr> (дата обращения: 05.11.2021).
8. Минакир П.А. Экономика пандемии: дальневосточный аспект // Пространственная экономика. 2020. Т. 16. № 4. С. 7–22. <http://dx.doi.org/10.14530/se.2020.4.007-022>
9. Ушаков Д.В. Монголия. Социальные меры противодействия распространению COVID-19 // Азия и Африка сегодня. 2021. № 2. С. 44–50. <http://dx.doi.org/10.31857/S032150750013959-6>
10. Экономика и экономическая политика в условиях пандемии / под ред. А.Л. Кудрина. М.: Издательство Института Гайдара, 2021. 344 с.
11. Char S. North Korea's Covid-19 Choice. Greater Diplomatic and Economic Isolation. URL: <https://www.nbr.org/publication/north-koreas-covid-19-choice-greater-diplomatic-and-economic-isolation/> (дата обращения: 05.11.2021).
12. Country Policy Responses. URL: <https://www.ilo.org/global/topics/coronavirus/regional-country/country-responses/lang--en/index.htm#MN> (дата обращения: 05.11.2021).
13. Dorjdagva J., Batbaatar E., Kauhanen J. Mass Testing for COVID-19 in Ulaanbaatar, Mongolia: «One Door – One Test» Approach // The Lancet Regional Health – Western Pacific. 2021. Vol. 9. <https://doi.org/10.1016/j.lanwpc.2021.100149>
14. Erkhembayar R., Dickinson E., Badarch D., Narula I., Warburton D., Thomas G.N., Ochir Ch., Manaseki-Holland S. Early Policy Actions and Emergency Response to the COVID-19 Pandemic in Mongolia: Experiences and Challenges // The Lancet Global Health. 2020. Vol. 8. № 9. Pp. 1234–1241. [https://doi.org/10.1016/S2214-109X\(20\)30295-3](https://doi.org/10.1016/S2214-109X(20)30295-3)
15. Global Economic Prospects. 2021. June. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/35647/9781464816659.pdf>. (дата обращения: 05.11.2021).
16. Hong J.H. Coronavirus Shock and North Korean Economy. URL: <https://www.kinu.or.kr/pyxis-api/1/digital-files/271a3667-e0ca-4741-91fd-63d6388ca0ec> (дата обращения: 05.11.2021).
17. Hong J.H., Kim S.-J. North Korea's Income – Population Puzzle. URL: <https://repo.kinu.or.kr/bitstream/2015.oak/12542/1/study%20series%2021-02.pdf> (дата обращения: 05.11.2021).
18. Jones R.S. North Korean Economy Shrinks in 2020. URL: <https://keia.org/the-peninsula/north-korean-economy-shrinks-in-2020/> (дата обращения: 05.11.2021).
19. Kim B.-Y. North Korea's GDP: Features and Issues // Dialogue on the North Korea Economy. 2021. July. URL: https://www.kdi.re.kr/kdi_eng/brd/9841/North_Korea%E2%80%99s_GDP:_Features_and_Issues&pp=10&mcd=003002 (дата обращения: 05.11.2021).
20. Koen V., Beom J. North Korea: The Last Transition Economy? URL: <https://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=ECO/WKP%282020%2915&docLanguage=En> (дата обращения: 05.11.2021).
21. Lankov A., Ward P., Yoo H., Kim J. Making Money in the State: North Korea's Pseudo-State Enterprises in the Early 2000s // Journal of East Asian Studies. 2017. Vol. 17. № 1. Pp. 51–67. <https://doi.org/10.1017/jea.2016.30>

22. Lee J.-W., Pyun J.H. North Korea's Economic Integration and Growth Potential // Asian Economic Journal. 2018. Vol. 32. Issue 3. Pp. 301–325. <https://doi.org/10.1111/asej.12157>
23. Policy Responses to COVID-19. URL: <https://www.imf.org/en/Topics/imf-and-covid19/Policy-Responses-to-COVID-19> (дата обращения: 05.11.2021).
24. The DPRK Economic Outlook 2020 / 2021. Ed. by S. Lee. URL: https://www.kdi.re.kr/kdi_eng/pub/17150/2020_2021_The_DPRK_Economic_Outlook (дата обращения: 05.11.2021).
25. Turgenbayar B. The Assessment of Mongolian Sovereign Funds // Mongolian Journal of International Affairs. 2020. Vol. 21. Pp. 116–143. <https://doi.org/10.5564/mjia.v21i0.1438>

References

1. Jargalsaikhan D. *Wealth Fund in 2050*. Available at: <https://jargaldefacto.com/article/fond-blagosostoyaniya-2sh5sh> (accessed 5 November 2021). (In Russian)
2. Izotov D.A. Economic Policy Responses to COVID-19 of the Northeast Asia Countries. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*. 2021. Vol. 17. No. 3. Pp. 156–178. <http://dx.doi.org/10.14530/se.2021.3.156-178> (In Russian)
3. Lankov A. *Without Snowballs and Fishing. How North Korea Fights Coronavirus*. Available at: <https://carnegie.ru/commentary/85026> (accessed 5 November 2021). (In Russian)
4. Lankov A. *Revival of the Market Economy in North Korea*. Available at: https://carnegieendowment.org/files/CP_Lankov2015_web_Rus.pdf (accessed 5 November 2021). (In Russian)
5. Lankov A. *From the Crisis and Back. Why North Korea is Rolling Back Economic Reforms*. Available at: <https://carnegie.ru/commentary/83630> (accessed 5 November 2021). (In Russian)
6. Lankov A. *North of the 38th Parallel. How Do They Live in the DPRK*. Moscow, 2020. 532 p. (In Russian)
7. Lankov A. *Market Economy of North Korea: How the DPRK's Foreign Trade is Arranged*. Available at: <https://meduza.io/feature/2016/10/11/rynochnaya-ekonomika-severnoy-korei-kak-ustroena-vneshnyaya-torgovlya-kndr> (accessed 5 November 2021). (In Russian)
8. Minakir P.A. The Economy of the Pandemic: A Far Eastern Russian Aspect. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*. 2020. Vol. 16. No. 4. Pp. 7–22. <http://dx.doi.org/10.14530/se.2020.4.007-022> (In Russian)
9. Ushakov D.V. Mongolia. Social Measures to Counter the Spread of COVID-19. *Aziya i Afrika segodnya = Asia and Africa Today*. 2021. No. 2. Pp. 44–50. <http://dx.doi.org/10.31857/S032150750013959-6> (In Russian)
10. *Economy and Economic Policy in the Context of a Pandemic*. Ed. by A.L. Kudrin. Moscow, 2021. 344 p. (In Russian)
11. Char S. *North Korea's Covid-19 Choice. Greater Diplomatic and Economic Isolation*. Available at: <https://www.nbr.org/publication/north-koreas-covid-19-choice-greater-diplomatic-and-economic-isolation/> (accessed 5 November 2021).
12. *Country Policy Responses*. Available at: <https://www.ilo.org/global/topics/coronavirus/regional-country/country-responses/lang--en/index.htm#MN> (accessed 5 November 2021).
13. Dorjdagva J., Batbaatar E., Kauhanen J. Mass Testing for COVID-19 in Ulaanbaatar, Mongolia: «One Door – One Test» Approach. *The Lancet Regional Health – Western Pacific*. 2021. Vol. 9. <https://doi.org/10.1016/j.lanwpc.2021.100149>
14. Erkhembayar R., Dickinson E., Badarch D., Narula I., Warburton D., Thomas G.N., Ochir C., Manaseki-Holland S. Early Policy Actions and Emergency Response to the COVID-19 Pandemic in Mongolia: Experiences and Challenges. *The Lancet Global Health*. 2020. Vol. 8. No. 9. Pp. 1234–1241. [https://doi.org/10.1016/S2214-109X\(20\)30295-3](https://doi.org/10.1016/S2214-109X(20)30295-3)

15. *Global Economic Prospects*. 2021. June. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/35647/9781464816659.pdf> (accessed 5 November 2021).
16. Hong J.H. *Coronavirus Shock and North Korean Economy*. Available at: <https://www.kinu.or.kr/pyxis-api/1/digital-files/271a3667-e0ca-4741-91fd-63d6388ca0ec> (accessed 5 November 2021).
17. Hong J.H., Kim S.-J. *North Korea's Income – Population Puzzle*. Available at: [https://repo.kinu.or.kr/bitstream/2015.oak/12542/1/study%20series%2021-02.pdf](https://repo.kinu.or.kr/bitstream/2015.oak/12542/1/study%20series%202021-02.pdf) (accessed 5 November 2021).
18. Jones R.S. *North Korean Economy Shrinks in 2020*. Available at: <https://keia.org/the-peninsula/north-korean-economy-shrinks-in-2020/> (accessed 5 November 2021).
19. Kim B.-Y. North Korea's GDP: Features and Issues. In: *Dialogue on the North Korea Economy*. 2021. July. Available at: https://www.kdi.re.kr/kdi_eng/brd/9841/North_Korea%E2%80%99s_GDP:_Features_and_Issues&pp=10&mcd=003002 (accessed 5 November 2021).
20. Koen V., Beom J. *North Korea: The Last Transition Economy?* Available at: <https://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=ECO/WKP%282020%2915&docLanguage=En> (accessed 5 November 2021).
21. Lankov A., Ward P., Yoo H., Kim J. Making Money in the State: North Korea's Pseudo-State Enterprises in the Early 2000s. *Journal of East Asian Studies*. 2017. Vol. 17. No. 1. Pp. 51–67. <https://doi.org/10.1017/jea.2016.30>
22. Lee J.-W., Pyun J.H. North Korea's Economic Integration and Growth Potential. *Asian Economic Journal*. 2018. Vol. 32. Issue 3. Pp. 301–325. <https://doi.org/10.1111/asej.12157>
23. *Policy Responses to COVID-19*. Available at: <https://www.imf.org/en/Topics/imf-and-covid19/Policy-Responses-to-COVID-19> (accessed 5 November 2021).
24. *The DPRK Economic Outlook 2020 / 2021*. Ed. by S. Lee. Available at: https://www.kdi.re.kr/kdi_eng/pub/17150/2020_2021_The_DPRK_Economic_Outlook (accessed 5 November 2021).
25. Turgenbayar B. The Assessment of Mongolian Sovereign Funds. *Mongolian Journal of International Affairs*. 2020. Vol. 21. Pp. 116–143. <https://doi.org/10.5564/mjia.v21i0.1438>

■ ■ ■
Для цитирования:

Изотов Д.А. Периферийные экономики Северо-Восточной Азии в период пандемии COVID-19: Монголия и КНДР // Регионалистика. 2021. Т. 8. № 6. С. 85–100. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2021.6.85>

For citing:

Izotov D.A. The Small Economies of North-East Asia During the COVID-19 Pandemic: Mongolia and the DPRK. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2021. Vol. 8. No. 6. Pp. 85–100. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2021.6.85> (In Russian)